

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 323 272

С. А. Ланцов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕХАНИЗМЫ
ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье дается анализ предпосылок и динамики развития революционных процессов в России начала XX в. Автор использовал теоретические концепции, разработанные в рамках современной политической науки и социологии. Констатируется, что в начале XX в. в России назрел ряд социальных и политических конфликтов, порожденных незавершенностью процессов модернизации. В результате разрыва процессов модернизации в экономической сфере, с одной стороны, и в политической сфере, с другой стороны, возник конфликт между социальными группами, требующими политических изменений, и существующим политическим режимом. В сельской местности не был решен аграрный вопрос и связанный с ним конфликт между крестьянами и крупными землевладельцами. Царское правительство не сумело найти решения этих конфликтов до начала Первой мировой войны, а война их еще более обострила. Отмечается, что в России имел место социально-психологический синдром относительной депривации, обусловленный нарастающим разрывом между социальными ожиданиями широких масс накануне войны и резким ухудшением жизненных условий большинства населения в период Первой мировой войны. Великая русская революция началась в феврале 1917 г. на фоне конфликта между старой правящей элитой и контрэлитой, представленной либеральной оппозицией. Пришедшая к власти контрэлита не сумела справиться со стоящими перед ней задачами. Автор делает вывод, что в результате неэффективности деятельности Временного правительства кризис в России обострился, что привело к победе большевиков в октябре 1917 г. Библиогр. 6 назв.

Ключевые слова: теоретические концепции революции, теория и практика модернизации, особенности модернизации России, Первая мировая война и русская революция, конфликт элит, депривация.

S. A. Lantsov

SOCIAL AND POLITICAL FACTORS AND MECHANISMS OF THE
GREAT RUSSIAN REVOLUTION

The article analyses the factors and the dynamics of the revolutionary processes in Russia in the early 20th century. By applying modern theoretical concepts of political science and sociology, the author

Ланцов Сергей Алексеевич — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s_lantsov@mail.ru

Lantsov Sergey A. — PhD, Professor, St Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; s_lantsov@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

concludes that early 20th century Russia could be characterised by a number of social and political conflicts which were a result of incomplete modernisation. As a result of the imbalanced tempo of modernisation in the economic and political spheres there emerged a conflict between social groups demanding political change and the incumbent political regime. In rural areas, incomplete agrarian reform contributed to a deepening divide between peasants and landlords. The Tsar's government failed to resolve those conflicts before the beginning of World World I, while the war resulted in their intensification. The socio-psychological syndrome of relevant deprivation emerged as a result of the widening gap between social expectations that Russia's population had before beginning of World War I and the quickly deteriorating living standards of the majority of the population during the war. The Great Russian Revolution began in February 1917 triggered by the conflict between the old ruling elite and the counter-elite, which mostly consisted of the liberal opposition. Once the counter-elite assumed power, it failed to meet the challenges facing Russia in time. This article concludes that ineffectiveness of the Transitional Government in Russia was the main reason behind intensification of the domestic crisis in Russia, which led to Bolsheviks assuming power in October 1917. Refs. 6.

Keywords: theoretic concepts of revolution, theory and practice of modernisation, features of Russian modernisation, WWI and Russian revolution, elite conflict, deprivation.

Столетний юбилей начала Великой русской революции дает повод обратиться к этому важнейшему событию мировой политики XX в. Социально-политические механизмы, лежавшие в основе динамики революционного процесса 1917 г. в России, могут быть объяснены на основе целого ряда концепций, разработанных в рамках политической науки и социологии. Прежде всего события того периода следует анализировать с точки зрения теории модернизации. Как показывают теория и практика модернизации, общество, вступившее в этот процесс, но не завершившее его, становится особенно уязвимым для социально-политических потрясений. Именно в такой ситуации оказалась Россия в начале XX столетия.

По мнению одного из самых авторитетных политологов последних десятилетий С. Хантингтона, процесс модернизации запускается наличием внутренних факторов — социальных и экономических, и внешних вызовов, или угроз, со стороны международного окружения. Модернизационные преобразования могут иметь экономический и социальный характер и не затрагивать традиционную политическую систему. Такая социально-экономическая модернизация «сверху» в рамках старых политических институтов и под руководством традиционной элиты в целом возможна, но для ее успешной реализации необходим целый ряд условий, среди которых и готовность правящей элиты осуществить не только технико-экономическую, но и политическую модернизацию, т. е. приспособление традиционных институтов к изменившимся условиям и создание новых политических институтов.

Политическая модернизация, которую С. Хантингтон понимает как «демократизацию политических институтов общества и его политического сознания» [1, р. 266], обусловлена социальными изменениями в модернизирующемся обществе. Начиная реформы «сверху», политическая элита должна понимать, что они приведут к вполне предсказуемым изменениям. Модернизирующееся общество поворачивается лицом к внешнему миру и вместе с научно-технической информацией начинает впитывать новые политические и философские идеи, способствующие возникновению сомнений в эффективности и неизбежности существующего политического режима. Индустриализация, социально-экономический прогресс, внедрение новых технологий и современных коммуникаций неизбежно способствуют развитию системы образования, заимствованию передовых технических и естественнонаучных идей. Модернизационный процесс влияет и на эволюцию

социальной структуры общества, создается почва для восприятия новых идей. Промышленное развитие и урбанизация влекут за собой формирование и быстрый рост новых социальных групп. Представители этих социальных групп демонстрируют общественную активность, они начинают осознавать, что политика напрямую касается их частных интересов, является их собственным делом, что от решений, принимаемых политической властью, зависит их судьба. Стремясь участвовать в политической жизни, они ищут возможности и способы воздействия на принятие государственных решений. Поскольку традиционные политические институты не обеспечивают возможности такого участия, на них распространяется общественное недовольство, которое может выражаться в самых острых формах. Если не будут приняты меры, направленные на политическую модернизацию и создание институтов, обеспечивающих политическое участие стремящихся к нему социальных групп, если правящая элита не решится провести политические реформы, будет увеличиваться разрыв между растущим уровнем политической активности широких социальных слоев и отстающей от него реальной степенью политической модернизации общества.

Такая критическая ситуация может привести к социальному взрыву. И тогда революция будет наиболее быстрым и радикальным способом насильственной ликвидации подобного разрыва, разрушив старые и создав новые политические институты, правовые и политические нормы, способные обеспечить участие масс в политической жизни общества. Прежняя правящая элита, не сумевшая справиться со стоящими перед ней задачами, заменяется новой элитой, более динамичной и готовой реализовывать требования времени.

Существенные трансформации в период перехода от традиционного общества к современному происходят с крестьянством. Поскольку крестьянство является социальным классом традиционного общества, в процессе перехода к современному обществу оно исчезает в своем прежнем виде. Ухудшаются общие условия ведения крестьянского хозяйства, снижается уровень благосостояния значительной части мелких сельхозпроизводителей. Ситуация обостряется неизбежным разрушением такого традиционного социального института, как деревенская община. Преобладающая часть сельских жителей вытесняется из деревни в город. Городское население остается немногочисленным до тех пор, пока процесс модернизации не завершен. По мере продвижения процесса модернизации городское население прирастает за счет сельского.

Особенностью крестьянства является его консервативность и приверженность традициям. Оно слабо восприимчиво к абстрактным политическим лозунгам свободы, равенства и конституционных прав. Социально-экономические условия жизни крестьянства определяют его активность. Эта социальная сила может примкнуть к антиправительственным действиям только в том случае, если политическая власть не способна удовлетворить ее социально-экономические требования. В этом случае городская революция получает мощную поддержку из сельской местности, что обеспечивает ей успех. Одновременно участие села в революционном движении создает опасность для его целей и результатов.

Это может стать возможным потому, что, с одной стороны, революция является следствием недостаточно быстрого и комплексного осуществления модернизации, но, с другой стороны, в революции выражается протест против самого про-

цесса модернизации и его социальных последствий. Поэтому реальные политические результаты революции могут быть прямо противоположны тем лозунгам, под которыми она начиналась.

Перспективы революционных потрясений обозначились перед Россией в начале XX в. В предшествующий период, в конце XIX в., Российская империя достигла серьезных успехов в технологической и социально-экономической модернизации. Значительно возросла численность городского населения, шел процесс формирования массового среднего класса, других социальных групп, вызванных к жизни социально-экономической модернизацией, в частности слоя промышленных рабочих.

В начале XX в. к социальным переменам стали добавляться и политические. Прежде всего возросла общая политическая активность городского населения. Народ стремился участвовать в политической жизни страны. Требования политических свобод, конституции и парламентаризма буквально переполняли атмосферу российского общества. Возникло понимание того, что необходимо предпринимать меры для обеспечения институционализации политического участия. Конкретные предложения об институционализации стали находить место сначала в программах первых леворадикальных партий, а затем и в деятельности более умеренных либеральных оппозиционных групп. О возрастающей необходимости политических реформ в России замечательно сказал известный русский правовед и политический мыслитель Б. Н. Чичерин: «Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе... Пробудится ли в ней сознание этого высокого назначения? Но придет ли это сознание путем правильного внутреннего развития или будет оно куплено ценою потоков крови и гибели многих поколений, покажет будущее. Может быть, и у нас появится государственный человек, который поймет задачи времени и сумеет двинуть Россию на путь, указанный ей историей. Во всяком случае, оставаться при нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической» [2, с. 42].

Однако мирный, эволюционный сценарий продвижения по пути политической модернизации в России не осуществился. Николай II и его ближайшее окружение боялись даже самой мысли об ограничении самодержавной власти. События Первой русской революции 1905–1907 гг. были проявлением революционного кризиса, вызванного отставанием процесса политической модернизации от модернизации в экономической и социальной сферах.

Осуществленные в 1905–1907 гг. политические реформы можно оценивать двояко. С одной стороны, законодательные права Государственной Думы были сильно ограничены, она не обладала правом формирования правительства, даже ее возможности контролировать государственный бюджет оставались минимальными. Абсолютно недемократической была избирательная система. Верховная государственная власть враждебно относилась к Государственной Думе, видя в ней временное и даже вредное для общественного спокойствия учреждение. Как только

революционная волна спала, самодержавие стало по частям отбирать дарованные ранее права, изменило избирательную систему в еще более антидемократическом направлении. Однако, с другой стороны, российское общество того периода еще не созрело для полноценной парламентской демократии.

Хотя были предприняты попытки решить аграрный вопрос в ходе реформ, инициированных П. А. Столыпиным, но сами реформы имели весьма противоречивые последствия. Социальные конфликты в сельской местности не были преодолены, а лишь приобрели новое измерение. Россия не получила тех двадцати лет покоя, о которых говорил Столыпин. Не завершив процессов модернизации, не разрешив противоречий, имманентно присущих данным процессам, Россия вместе с другими ведущими государствами Европы оказалась вовлеченной в Первую мировую войну. Существенная роль негативных последствий войны в созревании революционных ситуаций была отмечена многими наблюдателями и исследователями. Интересно отметить, что прогноз, данный накануне Первой мировой войны видным государственным деятелем царской России П. А. Дурново относительно возможных последствий этой войны для вызревания революционного кризиса в России, во многом совпал с оценкой причин уже наступившего кризиса, сделанной в 1917 г. В. И. Лениным. Рассматривая неудачный для нашей страны сценарий военных действий, Дурново писал: «Побежденная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расхоловшиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [3, с. 59].

Через несколько лет Ленин констатировал, что из всех воюющих стран революционный кризис разразился раньше всего в России: «Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным. Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против “пораженчества”, поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и *начала* революционного пожара» [4, с. 15].

С точки зрения современных теоретических концепций революции вызревание революционной ситуации в России можно объяснить возникновением социально-психологического синдрома относительной депривации. Суть данного синдрома заключается в восприятии своего социально-экономического положения как непереносимого. Этот синдром появляется вместе с повышенными ожиданиями и отсутствием реальных возможностей удовлетворения сформированных этими ожиданиями потребностей. Другой вариант — невозможность удовлетворять привычные потребности в полном объеме. Данный синдром может обнаружиться и в том слу-

чае, когда вследствие предшествующей благоприятной ситуации возрастают ожидания людей, а возможности реального удовлетворения возросших потребностей резко ухудшаются, например, из-за стихийного бедствия, войны или экономического кризиса [5, с. 427–429]. Примерно так было в России накануне 1917 г. Относительно благоприятное социально-экономическое положение предвоенных лет сменилось прогрессирующим ухудшением условий жизни в период войны.

Однако в самом начале характер революционного кризиса был детерминирован не только взрывом народного недовольства в феврале 1917 г., но и конфликтом элит [6]. В российской действительности начала XX в. признаки такого конфликта заметны вполне отчетливо. Правящая элита самодержавной России в последний период существования империи была аристократической по своему происхождению. Кровное родство с правящей династией являлось важным фактором, ускорявшим продвижение к самым высоким постам в государственной иерархии. Наряду с этим существовала и возможность рекрутирования в состав правящей элиты выходцев из средних и низших слоев дворянства и даже «низших» сословий, но этот путь предполагал медленное продвижение по ступеням бюрократической лестницы, причем скорость и успешность продвижения зависели не только от деловых качеств человека, но и от семейных связей и умения услужить начальству.

Состав и способы рекрутирования правящей элиты тогдашней России определили и ее основные качества. В первую очередь — это консерватизм, проявляющийся в недоверчивом и даже враждебном отношении к любым инновациям, в том числе исходившим от самого императора. Замкнутость элиты неминуемо вела к ее деградации, выразившейся в появлении на важнейших государственных постах откровенно слабых и малокомпетентных людей, в снижении эффективности принимаемых управленческих решений и, как следствие этого, ухудшении ситуации в тех сферах, которых касались эти решения.

Тенденция к деградации правящей элиты особенно остро проявилась в годы Первой мировой войны. Неподготовленность России к войне, дезорганизация снабжения населения и армии были связаны с просчетами правящих кругов, неспособностью бюрократического аппарата империи справиться с назревшими проблемами. Наиболее отчетливо названная тенденция обнаружилась в период распутищины, когда назначение на высокую должность можно было получить по протекции невежественного старца. В результате конфликт между аристократически-бюрократической элитой, находившейся у власти, и активно формировавшейся в предшествующие годы оппозиционной, довольно широкой по своему составу, контрэлитой резко обострился.

После революционных событий 1905–1907 гг. для интеграции и политико-организационного оформления контрэлиты сложилась благоприятная ситуация. С одной стороны, появление возможностей для легальной деятельности нерадикальных политических партий и наличие, пусть и усеченного, института парламентаризма в виде Государственной думы создавало автономную от государства сферу публичной политики. С другой стороны, принципы формирования структур исполнительной власти остались неизменными. Таким образом, некоторые из либеральных политиков могли открыто выражать свои взгляды и выдвигать предложения по проблемам общественного развития, но были лишены возможности оказывать реальное воздействие на решение этих проблем.

Невозможность реально участвовать в управлении страной порождала у амбициозных лидеров умеренно оппозиционных партий своеобразный «комплекс неполноценности». Этот комплекс выражался в весьма эмоциональных, постоянных и, возможно, не всегда справедливых нападках на «правлящую бюрократию». Критичность лидеров оппозиции усилилась с началом мировой войны. Как уже отмечалось, многие трудности, обрушившиеся на Россию с началом военных действий, стали результатом недостаточной компетентности и неэффективных управленческих решений тогдашней правящей элиты. Естественно, контрэлита не могла не воспользоваться этим положением для того, чтобы еще громче заявить о своих претензиях на участие в решении наиболее важных проблем, стоявших перед государством и обществом. Эти претензии были даже институализированы. Во-первых, в виде созданного при активном участии либералов и правоцентристов Союзе земств и городов (Земгор), во-вторых, в виде сложившегося в Государственной думе Прогрессивного блока, включавшего в себя большинство депутатов нижней палаты, прежде всего представителей партий кадетов и октябристов. Прогрессивный блок поддерживал курс на ведение войны и сохранение верности союзническому долгу, но в качестве своеобразной платы за такую поддержку требовал создания «ответственного министерства», т. е. правительства, подотчетного Государственной думе.

То есть в разгар военных действий еще раз было обнародовано довоенное приязание контрэлиты на участие в исполнительной власти. Своих целей оппозиционеры надеялись достигнуть верхушечным переворотом, в результате которого брат Николая II Михаил Александрович станет регентом при малолетнем наследнике. Предполагалось, что он пойдет навстречу чаяниям «общества» и удовлетворит все политические и экономические требования Прогрессивного блока, сохранив при этом верность союзникам и доведя войну до победного конца. Даже монархисты, озабоченные судьбой монархии, считали возможным для ее спасения вступить в тайный заговор с целью убийства Григория Распутина — главного, с их точки зрения, виновника надвигавшегося социально-политического кризиса.

Все вышеперечисленное дает возможность лучше понять механизм событий февраля 1917 г. В России скопился огромный потенциал для социального взрыва, но фатальной неизбежности крушения существовавшего строя на рубеже зимы и весны 1917 г., как нам представляется, не было. Вызванный войной кризис совпал с конфликтом старой и новой элит, что наложило свой отпечаток на способ и форму разрешения данного кризиса. Увидев в случившихся волнениях февраля 1917 г. угрозу стабильности государства, деятели думской оппозиции решили спасти положение, осуществив давно задуманный план с отречением Николая II от престола. Однако все ранее строившиеся планы не осуществились. Николай II неожиданно отрекся от престола не только за самого себя, но и за наследника. Старая власть рухнула, освободив место для тех, кто давно стремился попробовать свои силы в управлении страной. Первый состав Временного правительства персонально как раз и был тем самым «ответственным министерством», о котором говорили представители Прогрессивного блока. Однако эффективность его деятельности оказалась не выше, чем у прежней администрации. Неудачи Временного правительства объяснялись многими причинами: тяжелой обстановкой в воюющей стране, доставшимися в наследство нерешенными социально-экономическими проблема-

ми, отсутствием реального управленческого опыта, а также специальных знаний у новых министров и т. д. Среди серьезных ошибок, допущенных Временным правительством уже в первые дни своей деятельности, следует назвать полное разрушение правоохранительной системы в стране, находившейся в состоянии войны. В результате на протяжении большей части 1917 г. ситуация в России все более дестабилизировалась.

Великая русская революция продемонстрировала общую, свойственную подобным процессам динамику, выражающуюся в том, что к власти приходят все более и более радикальные силы. В конечном итоге успех сопутствовал большевикам, победа которых в октябре 1917 г. действительно открыла новую страницу как в истории России, так и в мировой политике минувшего столетия.

Литература

1. Huntington S. *Political Order in Changing Society*. New Haven, 1970. 266 p.
2. Чичерин Б. Россия накануне двадцатого столетия // Новое время. 1990. № 4. С. 40–44.
3. Дурново П. Грядущая катастрофа: Размышления о внешней политике России // Новое время. 1994. № 27. С. 58–60.
4. Ленин В. И. Письма из далека // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31: Март–апрель 1917. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 11–59.
5. Garr T. P. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с. (Сер. «Мастера социологии»).
6. Архипов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 336 с.

Для цитирования: Ланцов С. А. Социально-политические предпосылки и механизмы Великой русской революции // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 4–11. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.101.

References

1. Huntington S. *Political Order in Changing Society*. New Haven, 1970. 266 p.
2. Chicherin B. *Russia on the Threshold of the 20th Century*. *Novoye Vremya*, 1990, no. 4, pp. 40–44. (In Russian)
3. Durnovo P. *Griadushchaia katastrofa: Razmyshleniia o vneshnei politiki Rossii* [Upcoming Catastrophe: Reflections on Russia's Foreign Policy]. *Novoye Vremya*, 1994, no. 27, pp. 58–60. (In Russian)
4. Lenin V. I. *Pis'ma iz daleka* [Letters from Far Away]. *Vladimir I. Lenin's Collected Works*, 5th ed., vol. 31 (March — April 1917). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969, pp. 11–59. (In Russian)
5. Gurr T. R. *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press, 1970. XI+421 p. (Russ. ed.: Garr T. R. *Pochemu liudi buntuiut*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 461 p.)
6. Arkhipov I. L. *Rossiiskaia politicheskaia elita v fevrale 1917: Psikhologiiia nadezhdy i otchailaniia* [Russian Political Elite in February 1917: Psychology of Hope and Desperation]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2000. 336 p. (In Russian)

For citation: Lantsov S. A. Social and Political Factors and Mechanisms of the Great Russian Revolution. *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 4–11. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.101.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2016 г.
Статья рекомендована в печать 15 декабря 2016 г.